

ФОРМАТ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНФЛИКТНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ НАЧАЛА XX ВЕКА В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

THE FORMAT OF IDENTITY IN CONFLICT COMMUNICATIONS AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY IN THE KAZAN GUBERNIA

*D. Luykshin
M. Galeeva*

Annotation

The Imperial rhetoric of the turn of XIX – XX centuries, in the discourse which the Russian princes acted as the jealous Champions of Orthodoxy, is not perfectly correlated with the state of Affairs within the Empire, where so-called "foreigners" accounted for more than half of the population, and the canonical doctrines of Orthodoxy were not more than a third of residents. In this situation, a relatively low conflict potential of interethnic and inter-religious dialogue between representatives of different cultures and worldviews within a single Imperial community *zaslujivaet* attention. However, the integrated model is hardly relevant, not to mention the fact that it is impossible, – therefore of the greatest interest to understand the nature of interethnic interaction and – consequently – the place of Russia in the number of legislators geopolitical fashion, represent the regional historical case studies.

Keywords: Islam, identity, Russia, Kazan province, communication, Orthodoxy.

Люкшин Дмитрий Иванович

К.и.н., доцент,

Казанский (Приволжский)

Федеральный университет

Галеева Мариям Арслановна

К.и.н., доцент,

Казанский (Приволжский)

Федеральный университет

Аннотация

Имперская риторика рубежа XIX – XX веков, в дискурсе которой российский государи выступали в качестве ревнивых поборников православия, не вполне соотносилась с положением дел внутри самой империи, где т.н. "инородцы" составляли более половины населения, а канонических догматов православия придерживалось не более трети жителей. В этой ситуации относительно невысокий конфликтогенный потенциал межэтнического и межконфессионального взаимодействия представителей разных культур и мировоззрений в рамках единой имперской общности заслуживает внимания. Однако создание интегральной модели едва ли уместно, – не говоря уже о том, что невозможно, – поэтому наибольший интерес для уяснения характера межэтнического взаимодействия, а, – следовательно – места России в ряду законодателей геополитической моды, представляют региональные исторические кейсы.

Ключевые слова:

Ислам, идентичность, Россия, Казанская губерния, коммуникация, православие.

Современная российская историография, – образцом которой вполне можно считать Жака Элиаса Франсуа Мари Паганеля, – пребывает ныне в состоянии некоторой онтологической неопределённости, что немного странно, после 25 лет рыночных реформ... но, – в целом, – объяснимо: положим, на генерацию первой научно-исторической теории тоже понадобилось четверть века, но в веке восемнадцатом, по крайней мере, не приходилось расчищать площадку от методологического мусора, оставшегося со времён крушения марксизма. Формирование на исходе XX века нового формата отечественной социальной структуры естественным образом отразилось и на содержании исследовательской традиции, где обнаружилась устойчивая тенденция допущения этацентристского повествования, составлявшего дискурсивную формацию русской истории, сюжетами истории социальной, реализуемыми на материале

региональных кейсов. Но этот естественный и, безусловно, необходимый процесс происходит совсем не быстро, поэтому ряд актуальных сюжетов объективно не попадает в поле зрения исторического сообщества и, соответственно, не может быть раскрыт средствами исторического познания. Проблема, однако, заключается в том, что элиты, да и социум в целом, избалованные марксистскими повадками советского обществоведения, тщатся обрести сегодняшние смыслы, в коллизиях минувшего. Одним из результатов этой методы оказывается экстраполяция элементов социального дискурса эпохи модерна на поле истории старого порядка. Ретроспективному удлинению этнической истории принадлежит в этих интеллектуальных практиках роль едва ли не эталона. Слов нет, именно в хронологических рамках новой и новейшей истории научным сообществом были осознаны и освоены интенции и формы собственной деятельности. Однако

претендуя на сохранение статуса социального института новейшего времени, истории, вероятно, имеет смысл более или менее внятно представлять основания собственного дискурса. Появление понятия этнического связано с историческими сценариями эпохи европейской модернизации, когда традиционная социальная архитектура уступала давлению новых форм. Идентичность (и прежде всего – самоидентичность) относится к практикам пост-традиционализма, в которых ни население, ни даже бюрократия континентальных империй в начале прошлого века не испытывали особой потребности.

Незыблемость деспотической власти российских государей на протяжении долгого времени свидетельствует о том, что созданная ей управленческая система, какой бы несовершенной она ни казалась со стороны, не вступала в противоречие с интересами большинства российского населения. Однако, это вовсе не означает положительного ответа на вопрос о доверии населения к власти и о степени его идентификации с вотчинным государством. Скорее можно констатировать высокую степень автономии большинства населения России от политической воли столичного центра. Естественно, что чем дальше был расположен регион от подножия трона, тем выше была степень самостоятельности жителей. Поэтому разумно предположить, что социальный мир, – который так высоко ставят отечественные патриоты, – в империи достигался не вследствие общественного консенсуса, а по причине отсутствия коммуникационной площадки и системы индикаторов, позволявших эффективно отслеживать эманации социального тела.

В этом смысле на ассимиляцию Поволжья в структуре российского государства влияли две противоположные тенденции: вотчинно-крестьянская экспансия и развитие коммуникаций "приближали" его к центру империи, а внешнеполитическая активность, вектор которой был ориентирован на Запад, то на Юг – "отдаляла". Пожалуй, впервые серьёзную заявку на приволжские ресурсы правительство сделало во времена Петра I, а окончание административной ассимиляции Поволжья связано с губернской реформой Екатерины II, учредившей духовное управление мусульман и разделившей нижнее и среднее течение Волги на губернии. После этих мероприятий правительство сочло быт населения вполне устроенным и фактически предоставило событиям идти своим чередом. Таким образом, с точки зрения рационально-фискальной государственной организации поволжские обыватели оказались полностью имплантированы в тело имперской метрополии. Конфессиональные различия *de facto* признавались, однако, никаких практических выводов из их наличия не делалось.

Волга сохраняла значение внутренней торговой артерии, соединивший хлебные прикаспийские и средне-волжские губернии с северными районами, постоянно

испытывавшими дефицит продовольствия. Этот хозяйственный механизм стимулирует, с одной стороны, совершенствование аграрных технологий в южных приволжских землях, а, с другой, – развитие ремесла в губерниях нечернозёмного центра и русского Севера. Крупнейшими речными портами становятся Нижний Новгород и Астрахань. Казань, в которой сосредоточены аппараты военного, учебного и судебного округов, доминирует в качестве административного центра всего региона. Сложившийся в бассейне Волги хозяйственный симбиоз стимулировал развитие внутреннего российского рынка, доставляя хлеботорговцам стабильную прибыль, употребляемую, как правило, для внедрения глубокой переработки сельскохозяйственной продукции непосредственно в экономиях. Однако же, доставляемых самодеятельным способом доходов было явно недостаточно для развития социальной инфраструктуры, поэтому инвестиционные характеристики Волжско-Уральского региона оставались невысокими.

Объединение разрозненных производителей в рамках единого природно-хозяйственного комплекса посредством рыночного механизма, архитектура которого была логично обусловлена особенностями внешней среды, открывало возможность для генерации поволжской социальной общности, но замкнутый характер поволжского рынка ограничивал возможности самоидентификации. Неактуальность аналитических процедур для большинства населения Поволжья, наряду с отсутствием носителей социального вызова, идентифицируемых как "чужаки" даже в умпостроениях бриколёров (термин К. Леви-Стросса*), которыми, несомненно, являлись крестьяне-общинники, фактически исключала возможность самоидентификации поволжского населения, во всяком случае, до начала XX в. Бриколаж как модус интеллектуального дискурса не предполагает негативную идентификацию, а, следовательно, и самоидентификацию, внутри автономной социальной общности, одним из типов которой и является деревенский мир. Обозревая вселенную бриколёр замечает лишь детали будущих конструкций, которые могут быть использованы с пользой для обустройства традиционного быта.

* Известный антрополог писал: "В наши дни бриколёр - это тот, кто творит сам, самостоятельно, используя подручные средства в отличие от средств, используемых специалистом" (Леви-Стросс К. Первобытное мышление. - М.: Республика, 1999, С.126).

Феномены не сулящие верной выгоды попросту игнорируются, в то время как полезные предметы инкорпорируются в гармоничную систему его жизненного мира. В "Неприрученной мысли" К. Леви-Стросс убедительно доказал, что данный тип мышления не может служить основанием для сегрегации сообществ или индивидов. Более того, сообщества, эксплуатирующие мифологическую картину мироустройства, отличаются завидной стабильностью и огромным запасом прочности, поскольку не-

формализованная традиция не позволяет знанию омертветь. Но вне зависимости от того признаем ли мы самоидентификацию недоступной или неактуальной для аграрных сообществ поволжского региона, приходится констатировать её неполноту.

В такой ситуации модернизаторские потуги представителей правящей элиты выглядели насилием над традиционными хозяйственным и социальным укладами (совокупность которых, применительно к деревенским общинам в дискурсе крестьяноведения обозначается термином "моральная экономика"), и в этом качестве воспринимались основной массой аграрных производителей без всякого энтузиазма. Массу проблем создавали столетним модернизаторам мультиэтничные и поликонфессиональные губернии Поволжья, что породило большевистский миф о специфическом революционаризме неправославного населения, изнывавшего под игом русского царизма и тиранией ортодоксальной церкви; а уже в постсоветский период – легенду о счастливом возрождении уммы с новой политической идентичностью и осознанием своей политической субъектности*.

* Гайнутдин Р. Призывы муфтия Гайнутдина на Международном форуме в Лондоне [Электронный ресурс]: преодоление косности, недоверия к разуму и герметичности уммы // Мусульмане России. Официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации /Р. Гайнутдин. - Режим доступа: <http://dumrf.ru/upravlenie/speeches/10116>, свободный. Вероятно, после выступления муфтия Гайнутдина на Международном форуме в Лондоне в декабре 2015 г. сомнений в легендарном характере этого меседжа оставаться уже не должно.

Но ведь, для того чтобы как-то определить своё отношение к власти надо знать о её существовании, иметь некоторое представление о её идеально-типических характеристиках, что немислимо для бриколёра, не оперирующего рационально-логическими абстракциями. Между тем в начале прошлого века решить для крестьян вопрос идентичности было некому. Попытки задним числом возложить реализацию этой функции на интеллигенцию можно уже считать неудавшимися. Появление во второй половине XIX века профессиональной интеллигенции, – специфической социальной группы менее всего вписывающейся в сословную структуру русского населения, – не оказало существенного влияния на идентификацию и самоидентификацию поволжского населения. Начатые русскими а в особенности – татарскими интеллигентами поиски национальной самобытности были обусловлены стремлением рационалистически локализовать собственную социальную нишу. Поэтому интеллигентные искания были непонятны для крестьян-общинников, обретавшихся в традиционалистской ауре. К тому же численность пролетариев интеллекта оставалась, в сравнении с численностью крестьян, невысокой, что препятствовало попыткам организовать массовую, систематическую пропаганду. Образно говоря, Русь оставалась глуха к призывам братья за топор. Поэтому загадка Семнадцатого года манила исследователей, многие из которых положили свои карьеры, а не-

которые – судьбы*, лишь бы прочесть сокровенное предание на скрижалях истории.

* Речь, в частности, идёт об известном казанском историке Агдасе Хусаиновиче Бурганове.

Дискуссия о революции классов или революции масс* настолько захватила широкие слои мыслящей публики, что вывод о её схоластическом характере был проигнорирован сообществом, всё ещё продолжающим предъявлять аргументы третьей свежести.

* Эта оппозиция, как основной вопрос философии имеет несколько форматов, например: о пролетарском или общенародном характере Октября; о союзе пролетариата с крестьянством или только с беднейшим крестьянством, или о количестве беднейших крестьян в российской деревне.

С другой стороны, то обстоятельство, что "снятие" вопроса о характере Октября произошло на поле гносеологии, дезавуировавшей псевдонаучные построения марксизма, не просто оставило историков и интересующую публику без темы для коммуникации, но и – объективно – выставило вопрос о новой онтологии Октября. Предложенный В.П. Булдаковым образ "красной смуты"* не смотря на решительное увеличение объёма и второе издание** всё ещё не наполнен содержанием, поскольку исследованием природы насилия исчерпать тему смуты невозможно, даже если добавить к общей сумме конфликтной коммуникации межэтнические столкновения (хотя, как правило, речь идёт о конфликтах с интернациональным составом участников, то есть таких, где предмет спора не затрагивал этнические характеристики участников)***.

* Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. - 367 с.

** Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия Изд. 2-е, доп. - М.: РОССПЭН, Фонд "Президентский центр Б.Н. Ельцина", 2010. - 967 с.

*** Булдаков В.П. Хаос и этнос: Этнические конфликты в России, 1917 - 1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М.: Новый хронограф, 2011. - 1096 с.

Поэтому историческое сообщество постепенно приходит к выводу о необходимости "внимательнее приглядеться к менее громким откликам на наступление модерна в России"*.

* Бруиш К. Крестьянская идеология для крестьянской России: аграризм в России начала XX века // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Учёные записки. 2012. Вып. 7. - М: Издательский дом "Дело" РАНХиГС, 2012. С. 158.

Собственно поэтому возникла и потребность вернуться к анализу межэтнической коммуникации в среде мелких аграрных производителей. В этой сфере существуют две легенды и одно заблуждение, суть которого сводится к тому, что Российская империя была русским государством для русских. Это представляется неверным, просто потому, что Российская империя никогда не позиционировала себя в качестве этнократии, сохраняя

приверженность конфессиональной идентичности, приобретённой ещё в эпоху Владимира Святого. Но и православной империей Россия тоже не могла быть, хотя бы потому, что в начале XX века более половины подданных русского царя не были не только русскими, но и православными. Порядка 60 % населения империи составляли, так называемые, инородцы. Большая их часть была мусульманами, что, однако, не мешало им активно сотрудничать с государством, считавшим своей миссией распространение православной веры и декларировавшим защиту её приверженцев во всём мире. Вживание в тело империи далось отечественным последователям Мухаммеда не без сложностей, но в начале XX века мусульманские анклав в сердце Российской империи воспринимались как нечто само собой разумеющееся. Во всяком случае, в Казанской губернии исламский уклад и образ жизни были широко распространены в локальных сельских обществах.

Что касается легенд, то они носят, – скажем так, – историографический характер: в рамках одой из них было принято интерпретировать любой конфликт с интернациональным составом участников, как проявление революционности, борьбы "за право наций на самоопределение". Другая – гласит, что дело не в революционаризме, а – в угнетении, которое испытывал на себе татарский народ, лишённый возможности молиться и читать на родном языке, хотя яналиф был введён только в 1928, а до этого тюркские народы России обходились арабской графикой, и всё это время, – лет эдак пятьсот, – не воспринимали в арабской вязи ущемления своих гражданских чувств...

Социальная архитектура мусульманской деревни в центральной России начала XX века и по сей день не вполне восстановлена, – изучение механизмов крестьянского сопротивления вообще затруднительно – прежде всего из-за скудости источников*, – но сохранившиеся документы того времени свидетельствуют, что эффективность аграрного производства в крестьянских хозяйствах поволжских татар была несколько выше, чем у русских.

* Посадский А.В. Руднянское восстание 1918 года // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Учёные записки. 2012. Вып. 7. – М: Издательский дом "Дело" РАНХиГС, 2012. С. 159.

Строго говоря, много работать мусульманам приходилось не столько из-за чрезмерно развитой нравственности, сколько по причине обнаружившегося в конце XIX века малоземелья. Демографический взрыв второй половины позапрошлого века привёл к сокращению душевых земельных наделов по всей России, однако, бывшие крепостные арендовали помещичьи поля. Мусульмане же, большинство которых числилось государственными крестьянами, были лишены такой возможности из-за отсутствия "своих" землевладельцев.

Попытки арендовать пашню и угодья у обитателей "дворянских гнёзд" встречали ожесточённое сопротивление местных крестьян. Большинство, так называемых межнациональных конфликтов, рубежа XIX–XX века при ближайшем рассмотрении оказываются именно конфликтами из-за права арендовать помещичьи угодья.

Отчаявшиеся инородцы предлагали более высокую арендную плату, православные апеллировали к традициям и Богу. Землевладельцы колебались между прибылями и привычкой и тогда свои крестьяне приводили последний довод: погромы в экономиях и драки с конкурентами. Правда, и друг друга православные лупили с не меньшим рвением, а всё из-за земли или лужков.

За века совместного проживания народы Поволжья и Приуралья не слишком хорошо узнали друг друга. Крестьянский мир заканчивался где-то за околицей, а там где нет контактов, не может быть и конфликтов. Столкнувшись с мусульманским аграрным вызовом, православные оказались всерьёз озадачены приисканием ярлыка для новоявленных конкурентов. Попытки же задним числом "пришить" к бытовому стычкам национальную или религиозную подкладку выглядят не слишком убедительно. Однако в годы Великой войны эта стереотипная идентичность подверглась серьёзной трансформации, свидетельством чего стали привлечённые внимание губернских жандармов пьянки в татарских деревнях во время Сабантуй 1916 года. Массовое сознание тех, кто пил на Сабантуе, должно было претерпеть существенную трансформацию, по отношению к традиционной татарской морали. Можно сказать, что пьяных татар следовало опасаться гораздо больше, нежели трезвых, поскольку этот вид подданных был неизвестен. Они не вписывались ни в одну из ниш имперской социальной структуры, да и в традиционной общественной организации места для них тоже не находилось. Однако, эти новые мусульмане уже пришли и жили среди обычных людей. Они начали генерировать инновационную культурную ауру, характеристики которой, впрочем, так и остались загадкой: в советское время маргинализация, принявшая характер государственной стратегии, растворила анклав пьющих татар в массе отчаянно запойного населения.

Однако, в годы гражданской войны поволжские крестьяне, – вне зависимости от конфессиональных параметров, – вновь продемонстрировали приверженность общинным формам хозяйствования, которые большевикам удалось подорвать, лишь, организовав голодомор в 1921 году. Следовательно, говорить о внутренней мутации общины не приходится, потому как социальная модернизация и конфессиональная идентичность не являются, – как оказалось, – конкурирующими социальными статусами.

С другой стороны, – правомерно поставить вопрос о недостаточности конфессиональной идентификации личности для характеристики её потенциала в условиях модернизирующегося социума. И в этом смысле можно говорить как о недостатке инструментов идентификации

в арсенале профессиональных историков, так и о незавершённости процесса национальной самоидентификации, перехваченного большевиками. Впрочем, их эксперименты с навязанным самоопределением тоже триумфом не увенчались.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бруиш К. Крестьянская идеология для крестьянской России [Текст]: аграризм в России начала XX века // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Учёные записки. 2012. Вып. 7. / К. Бруиш. – М.: Издательский дом "Дело" РАНХиГС, 2012. С. 158.
2. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия [Текст] / В.П. Булдаков. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – 367 с.
3. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия Изд. 2-е, доп. [Текст] / В.П. Булдаков. – М.: РОССПЭН, Фонд "Президентский центр Б.Н. Ельцина", 2010. – 967 с
4. Булдаков В.П. Хаос и этнос [Текст]: Этнические конфликты в России, 1917 – 1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. / В.П. Булдаков. – М.: Новый хронограф, 2011. – 1096 с.
5. Гайнутдин Р. Призывы муфтия Гайнутдина на Международном форуме в Лондоне [Электронный ресурс]: преодоление косности, недоверия к разуму и герметичности уммы // Мусульмане России. Официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации /Р. Гайнутдин. – Режим доступа: <http://dumrf.ru/upravlenie/speeches/10116>, свободный.
6. Леви-Стросс К. Первобытное мышление [Текст] / К. Леви-Стросс. – М.: Республика, 1999. – 392 с.
7. Посадский А.В. Руднянское восстание 1918 года [Текст] // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Учёные записки. 2012. Вып. 7. / А.В. Посадский. – М.: Издательский дом "Дело" РАНХиГС, 2012. С. 159.

© Д.И. Люкшин, М.А. Галеева, (Dmitryi.Lukshin@kpfu.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Казанский (Приволжский) Федеральный университет